

ПОЛУПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД
ВЕЛИКИЙ ТЮЛЬПАНИУМ

ИСКАНДЕР КРАЖЕЛОВ

Искандер Кражелов

**Полупутешествие на запад.
Великий Тюльпаниум**

«Автор»

2026

Кражелов И.

Полупутешествие на запад. Великий Тюльпаниум /
И. Кражелов — «Автор», 2026

Полупутешествие на запад продолжается во владениях леших. С расprostертыми объятиями готов встретить двух путешественников – и нас – край цветов, порядка и друидского волшебства. В главном городе первых друидов Сарину и принца Дол-жи ждут небольшие разноцветные дома, аккуратные дворики, окруженные сплетениями корней и веток, а также каналы, заполненные транспортной травой, способной под воздействием магии перемещать корабли. И всё в Великом Тюльпаниуме спокойно, всё в нем правильно и хорошо... Или это только на первый взгляд? Какие тайны могут жить в его древней столице, городе со стенами глицинового цвета?

© Кражелов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Великий Тюльпаниум. Лес и полянки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Искандер Кражелов

Полупутешествие на запад. Великий Тюльпаниум

Великий Тюльпаниум. Лес и полянки

С наступлением утра радость от мысли, что она в Тюльпаниуме, так и не пришла к Сарине; напротив, сняв с себя сон, ее мозг сразу облачился в тревожные и мучительные думы. Согнув колени, а на них положив руки, девушка сидела, упершись спиной и затылком в дерево.

«Что же теперь будет? – переживала она. – Вдруг я никогда не смогу вернуться домой? Даже... даже в качестве рабыни... Знают ли Грибы теперь, что я – Сарина – была спутницей пожирателя эккентов? И знают ли они, кто он? Или до сих пор ищут какого-то ученого?.. И сенатор нас видел на месте преступления... Имя! Принц выкрикнул при Грибах мое имя! Услышали они его?.. Разобрали? Запомнили?.. Растениям-то бабушка память почистит, если понадобится, но если запомнили сами Правители... – девушка оторвалась от ствола и опустила голову на руки. – И как там бабушка, Трастин – нет ли у них из-за меня проблем?..»

Ей помогло отвлечься издаваемое проснувшимся принцем кряхтение, постепенно переходящее в частые непонятного эмоционального окраса шипящие выдохи. Через несколько секунд Сарина поняла, что это был зарождающийся смех:

– «Убейте их!» – кричат. Х-х-х! «Убейте, они грибов поели!» А рожи! Какие у них были рожи, когда они увидели свечение от газа! Х-х-х! Ай, как болят ноги! Х-х-ха-ха! Полдня убежали! Ха-ха-ха! От Грибов из-за грибов!

Дол-жи, корчась на земле и потирая бедра, продолжил посмеиваться, а Сарина сначала покачала головой, глядя недобрым взглядом на «виновника всех ее бед», потом, будто только осознав, что у нее тоже болят ноги, стала их гладить, а затем вдруг подумала, что во всей этой ситуации действительно есть нечто забавное, и улыбнулась.

– Нужно бы перекусить, – до конца вытащил Сарину из колодца мрачных раздумий своим предложением принц. – Ты говорила, бабушка тебе паек собрала? Не растеряла в беготне?

«Друга из себя строит?» – уловила некую странность в поведении Дол-жи девушка и принялась вертеть головой в поисках рюкзака, так как не помнила, как его вчера в усталом состоянии сняла и куда бросила.

Рюкзак был найден Сариной быстро, чуть позади, по правую руку – рядышком с деревом, всю ночь терпевшим ее, незваной гостьи, присутствие у своего комля, и как только это случилось, принц со сдержанным коротким стоном сменил положение с лежачего на сидячее.

Вдалеке от цивилизации Дол-жи не мог ухаживать за своей внешностью так, как привык это делать дома, поэтому был неопрятен, а тяжелое приключение, которое он только что вспоминал с улыбкой, довершало «маскировку» – сейчас в нем трудно было узнать принца: мантия испачкана, лицо немыто, сальные волосы местами взлохмачены, под носом расположились коротенькие усы, которых еще вчера Сарина не замечала.

– Доставай, ешь! – вновь стал пропагандировать нужность завтрака Дол-жи и, когда в руках девушки наконец оказались не очень хорошо переживший вчерашнюю тряску в рюкзаке пирожок и пятнистый бутон с питьем, бодренько продолжил: – У меня тоже кое-что есть! Эта мантия – удивительно удобная штука! – Он достал из рукава кусок вяленого мяса и начал его грызть.

Изумление внесло свои коррективы в ширину и округлость Сарининых глаз, и девушка, сопроводив действия хозяина улыбкой поощрения безумцев, аккуратно откусила кусочек выпечки.

«Он свихнулся! – размышляла она, неспешно завтракая и с опаской поглядывая на принца, впивающегося зубами и ногтями в вырезку. – Наверно, на него так Грибной газ подействовал... хотя мясо-то в рукав он еще в таверне должен был запихнуть... Значит, всему виной дурман-корень. Кукарекать, случаем, не начнет?»

– Сарина, – неожиданно произнес ее имя принц, едва она закончила принимать пищу; перестал есть сам, отвел взгляд. – Хотел... – Он с вязким горестным чмоканьем пережевывал и проглотил трудность следующих слов. – Хотел спросить, но боялся раньше: как у тебя получилось... как ты спаслась от троллей? На трезвую-то голову я понимаю, что про бестолковость черепа ты тогда ничего не знала и плана у тебя никакого не было... – Он явно хотел закончить как-то иначе, но, поперхнувшись и болезненно поморщившись, договорил так: – Рассказывай.

Обида и злость сдавили сердце девушки с разных сторон, и ей понадобилось какое-то время, чтобы начать словесное оформление занывших, заклокотавших в ней воспоминаний.

Нехотя, желчно выделяя такие слова, как «клетка», «страх», «клыки» и «страдание», а при описании спасительной своей смекалки – с жаром, Сарина поведала о чудесном избавлении себя самой от смертельной опасности.

Лицо Дол-жи вспотело, во время рассказа он резал острым взглядом свои сжатые кулаки, дышал редко и неровно – мучился.

– Как ты попала к родным? – полушепотом спросил он, лишь только девушка замолчала.

– Вы не поверите, – язвительно продолжила Сарина, – но к вам я возвращаться не захотела...

В подобном стиле она быстро довела повествование до момента их встречи в «Гадюке о двух головах», утопив последние слова в лесной тишине. Третью минуты после этого ничего не происходило и лишь звуки легкого танца листьев, устроенного сонным ветерком в кронах высоких деревьев, оттеняли ту тишину.

Дол-жи повернулся резко и, казалось, решительно; приоткрыл рот, распахнул глаза... и просто стал смотреть на Сарину; лицо его вскоре приобрело обычный вид, но взгляд он так и не убрал.

«Ну что он молчит? Чего хочет? Вдруг решил меня отпустить?! – возникало множество мыслей в голове у девушки. – Зачем я ему теперь? Он ведь покупал меня как знатока Боумионского леса... Конечно, размечталась! Этот мне найдет применение! Обменяет еще у какого-нибудь чудища на очередную безделушку, например... Да и кто бы отпустил?.. С чего?.. Кроме того, думаю, даже для принцев разбрасывание рабами – удовольствие недешевое... Что же он молчит?!»

– Нам надо идти, – наконец хоть что-то вымолвил Дол-жи. – Я рад; рад, что ты спаслась, – добавил он, поднявшись и зашагав уверенно, будто бы зная куда.

– Я польщена, – буркнула Сарина, вставая, остря досадой взгляд и хмуря брови.

Приняв на себя всю тяжесть Сарининого тела (надо заметить, небольшую), ее ноги нытьем объявили о нежелании шевелиться по крайней мере еще часов десять, но выбора у них, как и у их хозяйки, не было.

«Нельзя столько бегать, тем более в сапогах», – мысленно ворчала девушка. «Хотя Дол-жи в желудкоступах – ему еще тяжелее», – завершила она внутренний монолог улыбкой.

Сарина дважды жалобно пискнула (один писк на один натягиваемый сапог), надела рюкзак, поправила кофту... и поняла, что нигде нет ее платка. Мамина вещь, полезная вещь... а потерянная в Боумионском лесу при отступлении – опасная! Улика! Может быть, будучи найденным Грибами, этот платок поможет им установить личность его обладательницы, если, конечно, они и так уже все не разужнали...

Сарина со злостью шлепнула себя по лбу, искала пропажу глазами всюду, куда дотягивался взгляд, и, насупившись, стала чего-то ждать – будто бы надеялась, что платок сейчас приползет к ней сам; но очень скоро послышавшиеся издали вопросы: «Идешь? А я... я правильно иду?» – заставили ее сдвинуться с места.

Девушка вновь стала поводырем принца – вступила, так сказать, в уже привычную должность, однако, пока она шла, в голове у нее прогуливалась мысль, что в незнакомых землях ей бы и самой не помешал проводник...

Через несколько сотен шагов схожесть этого и родного Сарине леса пропала окончательно. Ровные высокие деревья с жидкими и нераскидистыми кронами были натканы в какой-то правильной хаотичности – в художественном беспорядке; у каждого дерева соотношение кроны и ствола без ветвей составляло примерно два к одному. Медного цвета земля была наполовину покрыта плешивым покрывалом миллиметровой травы. Одиночные кусты-веники с зелеными листочками лишь на концах прутьев встречались разных размеров: от таких, что можно было раздавить ногой, до высоких, с полтела. Но главное отличие этого леса от Боумионского заключалось в цветах – целых полянах цветов. Они являлись уменьшенными – сантиметров по двенадцать-четырнадцать – версиями тех тюльпанов, которые привык видеть принц в Алианском королевстве; кроме того, были они мягче, тоньше и гораздо ароматнее своих «цивилизованных» собратьев, а разнообразие их цветов и оттенков удивляло: полянка желтых, через сто шагов – три полянки сиреневых; две – синих, чуть дальше – настоящая поляна сизых... Благодаря их обилию и запах был необычен; вдыхая здешний воздух, привыкая к нему, каждый начинал думать, что так и должен пахнуть лес, что вечно свежий, терпковатый лесной аромат попросту будет неполноценен без союза с насыщенной цветочной сладостью... Из-за малой густоты леса и из-за того, что его тянущиеся вверх высокие сыновья были лишены объемистых причесок, дневное светило доносило до земли свой свет без проблем, и золотисто-прозрачные дорожки радостно бегали среди теней, отбрасываемых деревьями и кустами. Этот лес не был оживлен друидской магией, но он жил – красками, запахами, дыханием ветра.

Сарина решила, что, пока она не располагает никакой информацией о ситуации в Боумионском лесу, будет считать, что там все хорошо; строго наказала себе так думать – и у нее получалось; она была уверена: в Тюльпаниум-то бабушка найдет способ передать ей весточку; а вот если никакого сообщения в ближайшие дни не последует – можно паниковать. Покуда Сарина оставляла позади себя одну за другой помахивающие ей цветами полянки, принудительное думанье о хорошем медленно обрастало в ней наслаждением от красоты окружающей природы; вскоре девушка только и думала, что о скорейшем привале, но не для отдыха – ради неторопливого любования тюльпанами...

– Постой здесь, мне нужно отойти, – сказал Дол-жи, как раз когда они проходили возле очередного скопления растений, давших в общем языке название целой державе.

Сарина кивнула, а как только принц пропал из виду, сняла рюкзак и плюхнулась в озерцо бежевых тюльпанов; улегшись на спину, она закрыла глаза. Цветочный аромат смешался с запахом земли, затрепало неподалеку какое-то насекомое, ветер заставил тюльпаны поприветствовать гостью поклонами.

– Эй, Сарина десяти лет, я воплотила в жизнь одно из твоих маленьких мечтаний, – с улыбкой обратилась девушка в прошлое, – а уже совсем скоро я увижу город из кондры...

Она представила двухцветную желто-лавандовую стену города с лавандовыми статуями крылатых существ на ней; начала вырисовывать многочисленные разноцветные крыши, торчащие из-за этого живописного сооружения, но ее воображаемую стройку коварно и быстро затоптали звуки принадлежащих принцу шагов; Сарина, ничуть, однако, этим не расстроенная, открыла глаза и села.

А вот вернувшийся алианец показался ей крайне озадаченным, каким-то хмурым.

– Могу я полюбопытствовать, что за эти несколько минут так сильно вас смутило? – безмятежно поинтересовалась девушка, водя рукой по тюльпанам.

Сначала принц растерялся еще больше, быть может удивившись прямоте молчавшей до этого момента спутницы, но, подавив задумчивостью брови еще какое-то время, все же спросил:

– Такие пучеглазые и остроносые... сантиметров тринадцать существа... кружат над тюльпанами и оставляют за собой в воздухе мерцающий золотисто-зеленый след – это феи?

– Эм... конечно, – пожала плечами Сарина.

Дол-жи покивал головой.

– Ведь и в Боумионском лесу недавно такое создание видел, подумал – странный гигантский москит... Я-то представлял себе фей малюсенькими симпатичными девушками в коротких платьицах и с крохотными плошками, которыми они собирают цветочный нектар...

Бывшая друидка обронила смешок и, поджав губы, замерла... но принц засмеялся сам, позволив тем самым не сдерживаться и Сарине. К ее чувствам сразу постучался холодный разум и через стенку веселости напомнил, что радоваться, собственно, нечему, однако тревога и сильнейшая неприязнь к Дол-жи – на чью поддержку уповал разум – выходить тогда не пожелали; не сковали они Саринино настроение и после: до позднего вечера девушка, словно в полусне, ни веселая ни грустная, вела принца в столицу леших.

– Темнеет... Давай устроимся на ночлег, – скомандовал Дол-жи; как бы невзначай он заглянул в лицо тут же остановившейся спутницы, несколько секунд подумал о чем-то, а затем добавил: – Только дойдем, пожалуй, еще до какой-нибудь цветочной лужайки.

– Хорошо. – По губам девушки скользнула улыбка, и в ее усталом взгляде искоркой блеснула радость.

Сарина быстро отыскала красивое, окруженное семью деревьями место с голубыми тюльпанами, образующими собой пятиметровое подобие буквы «б» с заполненным брюшком.

– Как думаешь, скоро мы доберемся? – усаживаясь между цветочным кругом и выходящей из него цветочной загогулиной, задал вопрос ученый-грибоубийца-полупетух, а в свободное от сумасшедших злоключений время – алианский вельможа.

– Господин...

– Называй меня «принц Дол-жи» или просто «принц». Так ведь проще... лучше то есть? – проговорил господин, поверхностно оглядывая цветы и деревья.

Почти полминуты Сарина молча смотрела на хозяина, лениво обдумывая его странное пожелание.

– Принц Дол-жи, – с поправкой вернулась она к вопросу о сроке прибытия в столицу леших, – сразу хочу предупредить, что мы могли... сбиться с верного направления. У родителей Зарри была карта Тюльпаниума, и я любовно ее изучала в детстве, но все-таки никогда здесь не бывала... – Сарина поймала на себе перешедший с цветов взгляд принца, к ее удивлению спокойный и даже понимающий. – Если же движемся правильно – не более полутора суток, думаю.

Ее слушатель коротким кивком поставил точку в этой теме и, когда девушка расположилась на другой стороне полянки, затронул еще одну:

– Стоит ли разводить костер? И нужно, наверно, соорудить какие-нибудь лежанки: ночи теплые, но земля под утро все равно от росы влажная; да и не сказал бы, что очень комфортно спать прямо на ней.

– Ой, я совсем забыла! – воскликнула Сарина, подтягивая к себе недавно расставшиеся с местом за ее спиной упакованные вещи. – Бабушка ведь положила два спального. – Девушка грубо потревожила внутренний мир рюкзака и с самого его дна достала коричневый рулон, который тут же был ею развернут.

– Не похоже, чтоб они были хоть сколько-нибудь теплыми или удобными – обычные тонкие кули, – недоверчиво отнесся принц к появившимся в руках спутницы спальным мешкам.

Сарина ловким движением-броском расстелила один возле себя, а со вторым, обогнув цветочный круг, подошла к принцу.

– Вы где будете спать?

– Прямо тут. – Дол-жи небрежно дернул пальцами вниз.

Девушка повторила словно разученное движение, и второй спальник лег на землю.

– Им нужно полчаса, чтобы прорасти, – одной фразой заменила скептицизм принца на любопытство Сарина.

Вызнавать суть услышанного Дол-жи не стал. Вместо этого, привыкший уже ко всяким друидским «фокусам», он с интересом принялся наблюдать за постеленной перед ним вещью.

– Принц, следящий за мешком, – обычное дело, – ухмыльнувшись, произнес алианец несколько задумчиво, но в соглядатая играть не перестал.

Сарина, покосившись на хозяина, пожала плечами и направилась на то место, где расположилась сама.

Какое-то время со спальниками ничего не происходило; Дол-жи, смущаясь, начал уже держать на уме мысль, что не так что-то услышал или не так понял, как вдруг заприметил под своим мешком траву, будто бы схватившую нижнюю коричневую материю и пригвоздившую ее к земле.

– А ведь на этом месте и вовсе не было растительности, – припомнил принц.

Но долго дивиться подобной мелочи ему не пришлось: объект наблюдения постепенно начал увеличиваться в объеме, обрастая при этом со всех сторон коротким и мягким травянистым покровом. Уже через пятнадцать минут перед Дол-жи стоял «воздушный», полуметровой высоты, устланный зеленью холмик; как бы отдельно, но смежно с ним образовался маленький (такой же травянистый) полукруг, явно предназначенный для того, чтобы на нем уютно располагалась голова лежащего.

– Не спальник, а настоящая палатка, – заворуженно глядя на чудо друидской мысли, проговорил алианец.

Он нажал на холм ладонью, и тот, будто надутый, прогнулся. Дол-жи встал, обошел его кругом, поднятием за край отыскал «вход» и, получив от Сарины одобрителный кивок, полез внутрь мешка-оборотня.

– Побейте его изнутри, – едва упаковавшись по шею в бесформенный бугор, услышал Дол-жи Саринин голос.

Голова принца лежала снаружи на мягком полукруглом «высунутом языке» спальника, в то время как руки и ноги его могли свободно двигаться в недрах этого раздувшегося мешка.

Дол-жи сразу воспользовался советом Сарины, и уже после короткой комбинации толчков и ударов спальник стянулся, мягко окутав его тело.

– У вас знают толк в комфортном сне. Мягче спать, наверно, лишь в ПП! – произнесла торчащая среди травы счастливая голова.

– Хорошо звучит, – засмеялась Сарина, – нужно будет Зарриному дяде предложить этот слоган: он торгует спальниками за пределами Боумионского леса; по крайней мере, торговал.

Дол-жи, не заметивший сначала порожденную им рифму, тоже весело хмыкнул.

Понежившись в оковах мягкости, он почувствовал, что засыпает; бороться с дремой принц не стал. Закрывшись, уснули и цветы. На самой границе вечера и ночи, забравшись в свой спальник мешок, ушла в художественную галерею подсознательного творчества мозга Сарина.

Проснувшись, Дол-жи какое-то время лежал и смотрел на скромное, готовое без боя уходить с небосклона ночное светило; и хотя видно его будет еще долго, за горизонт оно, как

обычно, упадет в ярком свете старшего брата – лишь блеклой картинкой недавнего своего величия...

Приподнявшись, поверх раскрывшихся тюльпанов принц посмотрел на спящую Сарину (точнее, на ее лицо, слегка скрытое упавшими на него каштановыми волосами), потом уделил внимание и самим цветам; вылезши из спальника и сев на него сверху, Дол-жи задумался и, как вчера, пустил неспешный взгляд гулять повсюду. Алианец размышлял на серьезные темы и проводил странные, исключительно ему понятные параллели между своей жизнью и почти всеми объектами, попадающимися ему на глаза. Несвойственная принцу жажда к философствованию не отпускала его добрых десять минут.

А одно глупое дерево, участвующее в обрамлении полянки, будто земли ему в округе не нашлось, росло на валуне (сородичей которого в этих мягких, объятых гармонией краях найти было практически невозможно). Лежало оно на громоздкой каменюке всеми корнями своими и лишь кончиками тех, жиденькими струйками стекшими до земли, держалось за почву, благодаря ей жило, росло, но совсем, кажется, не ценило этого. Существование на камне уродовало его, кривило, но зато чуть приподнимало над другими деревьями – и только это последнее, судя по всему, заботило дурака. Прямо у Дол-жи на глазах – такое случилось совпадение – слабые, размазанные большей своей частью по камню корешки наконец не сумели удержать постоянно куда-то тянувшийся ствол и дерево, вырвавшись из земли половиной корневой системы, прошуршав что-то, тихо и естественно повалилось набок, зацепившись при этом за ветки соседа и оставшись держаться на них.

После этого события, захватившего все внимание принца, прошло еще несколько минут, и взволнованность от увиденного полностью выветрилась из его головы. Теперь молодой вельможа настойчиво думал, что пробудился он именно оттого, что слышал сквозь сон звуки некоего дрожания вот-вот готового рухнуть дерева. Возможно, так оно и было.

Дол-жи расслабился, сорвал выбранный наугад тюльпан, понюхал его, взял цветок меж большим и указательным пальцами, покатав туда-сюда. Вскоре принц почувствовал себя крайне некомфортно: в нем проснулась удивительная немагическая способность человека ощущать на себе взгляд. Он ощущал, и казалось ему, что взгляд был не один.

Алианец с тревогой повертел головой – никого подозрительного; даже из неподозрительных – никого... «Почудилось», – решил было он, но тут вспомнил, где находится: он ведь в лесу, связанном с магией, с друидским волшебством! А это значит, что тот куст в десяти шагах, возможно, не такой простой, каким хочет казаться... Дол-жи уставился на растение; оно качнулось.

Принц смотрел на куст... тот слегка покачивался... Куст слегка покачивался... принц понял, что не выспался.

Дол-жи, скривив лицо, мысленно обозвал себя параноиком и стыдливо отвел от растения-нешпиона взгляд.

Но, едва отвернувшись, он передернулся и с трудом сдержал возглас удивления: недалеко от него, маша крыльями, висели в воздухе два существа. Теперь стало очевидно, что подозрительность не была лишней – за ним следили. Произошла немая сценка, примерно такая же, как с кустом, однако эти создания, непрерывно глазающие на принца, в отличие от своего растительного соотечественника, определенно чего-то хотели от Дол-жи. Алианец, наверное, испытывал бы в настоящей ситуации не удивление, а по меньшей мере тревогу, если б только не выяснил вчера, что эти летуны – феи.

Одна была тонкая, с резкими чертами в каждом сантиметре своего тельца, с выпученными глазами и носом-зубочисткой – в общем, такая, какую принц уже встречал; другая же – полная ей противоположность: толстая, глаза – точки, нос – горошина. Отличались они и цветом: первая – коричневая, разбрасывающая по воздуху при каждом ударе крылышек золо-

тисто-зеленую пыль, вторая – цвета мокрого камня, менее размеренным танцем летательных органов серебрищая пространство вокруг себя.

Их терпеливое ожидание в какой-то момент стало забавлять Дол-жи; в крохотных лицах, казалось ему, читалось томительное чаяние чего-то сверхважного, причем сулившего ему в этом важном событии непосредственное участие.

– Чего вам? – улыбнувшись, спросил принц.

Не получив, как он и ожидал, никакого ответа, Дол-жи слегка подался вперед к своим бессловесным «собеседникам»; он подвинулся – и тут же их всколыхнуло едва уловимое волнение, а через несколько секунд, синхронно, они приподняли ручки, потянулись к принцу и стали медленно приближаться к нему.

– Слушайте, это выглядит жутковато, – все еще улыбался Дол-жи. – Вы так смотрите на меня... и ручки выставили, подобно восставшим мертвякам из легенд... бррр, не по себе! Хотя, с другой стороны, забавно, конечно... Но умоляю, сделайте попроще лица! Что? Что вам надо?

Существа с перекошенными надеждой мордочками подлетели к принцу совсем близко и зависли возле его руки.

– Этот цветок вам нужен? – Дол-жи приподнял сорванный им тюльпанчик; крылатые создания заволновались, затряслись, стали сжимать кулачки, как бы ловя воздух. – Так бы сразу и сказали. Держи, худышка, – это тебе...

Тонкая фея, получив цветок, победно затрясла им над головой; принц сорвал еще один и хотел было дать его летунье толстой, но та вдруг забасила так, что разбудила Сарину; да что там Сарину – всех в радиусе полукилометра подняла! «Грэ-э-э! Брэ-э-э!» – орала она.

– Что стряслось?! – выбираясь из спальника, испуганно спросила девушка.

Вскочив на ноги, принц пожимал плечами.

– Подлетели эти две феи, стали ко мне руки тянуть, я одной цветок...

– Та, что орет, не фея! Василиск! – закричала Сарина, с трудом сдерживая рождающуюся на языке ругань в адрес принца.

– А разве василиски – это не змеи с петушиными головами?... – Дол-жи в смятении покоился на девушку, но, врезавшись в ледящий душу взгляд, отвел глаза.

Василиск перестал горланить и, устало почмокав, куда-то целеустремленно полетел.

– Впрочем, ничего страшного, – успокоился принц.

– Ничего страшного?! – прибила новорожденное спокойствие Сарина. – Вы вообще понимаете, что произошло?!

Дол-жи не понимал; недвижно и с опаской он ждал разъяснений; вокруг него фея с цветком вытанцовывала воздушные па.

– Василиски и феи – неужели никогда не слышали?! – вечно соперничают между собой, – с нервной пылкостью пускала фразы в принца бывшая друидка. – Они обычно воют за каждую тюльпанную полянку, но, если есть возможность, выясняют всё без драк – дают принимать решение клевумам! Вы только что назначили властителями этой полянки фей, а себя объявили вечным врагом василисков! Наемник из Затмы! Грибы из Боумионского леса! Василиски из Тюльпаниума! Вы всюду умудряетесь «друзей» завести? Да?!

– А что я должен был делать?! Сорвал, они подлетели, руки стали тянуть...

– Выбросить этот цветок! Феям и василискам всего один раз стоит увидеть, что вы соблюдаете нейтралитет, – все, никогда в жизни больше не пристанут!

– Да откуда мне было знать, что просто дав тюльпан...

– Раз вы отправляетесь путешествовать по незнакомым местам, нужно же хоть какие-то сведения о них иметь!

Дол-жи взглянул на Сарину с яростью, но темная эмоция пропала так же скоро, как и появилась.

– Не кричи на меня, я все-таки принц, – сказал он с интонацией, больше подходящей ребенку, недовольному маминой критикой.

Настало недолгое молчание, и только фея, летая над цветами, счастливо мурлыкала.

– Нужно уходить! – менее эмоционально заговорила девушка. – Он не докричался своих – за подмогой полетел; а когда василисков или фей много и они настроены агрессивно... Нужно уходить!

Дол-жи впал в кратковременный ступор, прикидывая мощь десятка, сотни, тысячи ничемных по отдельности вояк.

«Тысячей, пожалуй, и бобры захватят королевство», – вспомнил алианскую пословицу о силе количества принц, а потом, заметив, что Сарина отрывает спальник от земли, принялся тянуть и свой.

– Их тяжело отдирать, – сказала девушка бедовому дарителю цветов и без комментариев ставшую ему очевидной вещь. – Кроме того, им минут пятнадцать нужно, чтобы сбросить траву и утончиться...

Кое-как, корячась и кряхтя, Сарина одолела выросший в почву мешок; с меньшим усилием и звуковым сопровождением, состоящим лишь из двух коротких «хэк, хэм», управился и Дол-жи. Девушка, перевернув, бросила свой спальник на тюльпаны, повесила на куст (тот, что нешпион) мешок Дол-жи; сразу после этого ее лицо превратилось в часы беспокойства: каждая проходившая минута наносила на него все более и более темные оттенки хмурости и волнения: Сарина явно не была убеждена, что дожидаться полной трансформации спальных мешков – идея верная; но бросить – неосмотрительно и попросту жалко, а уходить с такой поклажей – крайне неудобно. Дол-жи и Сарина медлили с принятием окончательного решения.

Тревожной волной накатило на них звук, похожий на шелестящий гомон крон полусотни деревьев, ставших свидетелями прогулки ветра в штормовую погоду. «Луговым постояльцам» стало ясно: ждать, когда спальники примут удобный для транспортировки вид, времени не осталось, и поэтому, схватив лишь наполовину похудевшие и полысевшие мешки, горе-путешественники вновь в вынужденно ускоренном темпе отправились в путь, оставив за собой безобразную полянку, над которой оживленно кружилась фея с тюльпаном в руке, но уже не в одиночестве, а с четырьмя-пятью сородичами, первыми прибывшими на новую территорию.

По спине хлопал рюкзак, в руках линиял объемистый куль, сзади доносился нарастающий шум ударов множества маленьких крыльев, ну а сбоку бежал виновник всего этого кавардака – у Сарины намечался очередной нелегкий денек.

Первые же быстрые шаги выявили общую мышечную забастовку: и ноги Дол-жи, и ноги Сарины отказывались участвовать в забеге после позавчерашнего марафона. И если принц бежал с трудом, то ход Сарины вообще был похож на отчаянную попытку человека с загипсованными ногами вовремя добраться до одного всем известного и нужного места.

– Ваши рабы, наверное, самые спортивные клевумы в Алиании, а то и во всех ЗКЛ! – сквозь боль и усталость кольнула Сарина принца остробой.

– Вот мы и светлую сторону моей неосторожности открыли, верно? – парировал тот.

Удивившись эмоциональной положительности ответа, девушка обернулась на Дол-жи, но лишь скользнула по его лицу взглядом, потому что ее больше заинтересовал рой злобных василисков в двухстах метрах слева, нежели его высочество алианский принц.

– Ускоряемся! Ускоряемся! – истыкала воздух пальцем Сарина, указывая на приближающихся гостей.

И они, позабыв об утомлении, прибавили ходу.

Серебристо-синяя пыль с крылышек василисков собиралась позади бегущих внушительными наплывающими клубами, преумножалась, врезалась в деревья, таяла, падая на землю, но тут же как бы самовозрождалась в центре той зловеще-обворожительной массы, первоэлемен-

том которой она и являлась. Самих летунов на этом фоне рассмотреть было трудно, и Сарине с Дол-жи оставалось лишь надеяться, что количество василисков относится к объему разбрасываемой ими пыли хотя бы так же, как размер капли дождя, разбивающейся о землю, относится к радиусу ее брызг.

Девушка стала часто с испуганным любованием озирается на необычных преследователей, и в какой-то момент оглядки ее подвели: зацепившись за корягу, она навернулась, выронив мешок и растеряв половину содержимого рюкзака. Сарина принялась лихорадочно записывать все обратно; Дол-жи рухнул ей на подмогу.

– Вот же! Ах я, дурная, не могла понять, что это! А это бабушка, оказывается, положила основу и разрушитель для спальных. – Сарина подняла два тряпичных полупрозрачных пакетика размером с ладонь, в которых находились порошки. – На основе они вырастают быстрее и глубже – без разрушителя потом не оторвешь, а с ним – в момент! Но некогда! Некогда! Бросим тут мешки да все несобранное.

Они уже отбежали на несколько десятков шагов, как вдруг, резко развернувшись, принц понесся назад; он подобрал и спальные, и потерянные Сариной вещи. Потом, ничего не объяснив, он вручил их девушке и продолжил своей прытью изображать ужаленного в мягкое место.

– Придется, видимо... бросить мешки... зачем вы их вернули? Не убежим... растерзают, – пытаясь, изложила нехороший сценарий ближайших минут Сарина.

– Нет! – многообещающе ответил Дол-жи и, схватив девушку за рукав, утянул ее, не останавливаясь, вправо.

– Куда? Зачем? Нам туда не нужно!

Ответы принц решил оставить при себе; пробежав еще немного, он отпустил бывшую друидку, подскочил к невысокому и тонкому, с диаметром ствола буквально в семь-восемь сантиметров, дереву и начал трясти его из стороны в сторону, пытаясь наклонить.

– Нет! Вручную никак! Но гнется! Гнется! – выкрикнул он и побежал дальше.

Сарина взглядом, которым провожают преследуемых людей, пытающихся со счастливой физиономией заломить встречные деревья, посмотрела на Дол-жи (да-да! богатая коллекция взглядов девушки в тот момент пополнилась еще и таким, очень похожим на взгляд очумелого суслика). Посмотрела и, делать нечего, стала нагонять его.

– Принц, для чего вы...

– Эта основа сильно увеличивает силу роста мешков в землю? Дерево согнут?

– Ч-что?

– Разрушитель действительно сразу вырывает их из почвы?

– Я не понимаю...

Дол-жи издал глухой звук сдержанного недовольства, расстроившись, видимо, из-за того, что Сарина не умеет читать его мысли.

– Тебя ведь эти твари не тронут, – то ли спросил, то ли заявил принц. – У меня появился план, – добавил он еще через десяток шагов, положив начало объяснению. – Видишь те деревца впереди? У них необычные листья: я заметил, что василиски, налетая на них, прилипают! Оглянись! Смотри!

Злобный рой позади отступающих совершил очередной маневр, обогнув то дерево, с которым только что танцевал Дол-жи, и миновав его широкие нежно-зеленые листья – миновав, но не в полном составе: Сарина, приглядевшись, заметила в тающей пыли пару-тройку точек, отчаянно дергающихся, пытающихся отлипнуть от природной ловушки.

– Что знаешь об этих деревьях? – по-прежнему на бегу поинтересовался Дол-жи.

– Они встречаются совсем нечасто, и у них липкие листья... – пробубнила девушка, смущаясь очевидности своих слов; это был тот редкий случай, когда в ботанической теме она не превосходила знаниями принца.

– Здесь встань! – Дол-жи грубо остановил Сарину, как только они оказались рядом с липколистными деревьями, а сам побежал в сторону, говоря теперь на повышенных тонах: – Попытаемся сделать импровизированную катапульту... или нет, не катапульту – пусковую конструкцию, в общем! Ты должна связать мешки между собой, затем привязать их к стволу дерева одним концом, но так, чтобы потом можно было его отсоединить; второй конец брось в землю и используй основу... или сначала – основу, потом – бросай; ну это сама знаешь! Мешки начнут вращаться, натягиваться, наклонять дерево!.. По крайней мере, в теории так!

Все эти «отвязать-привязать» слегка запутались в мозгу Сарины, и девушка, подойдя к деревцам совсем близко, поначалу с трудом воспринимала распоряжения Дол-жи: обрадованная остановкой, она попросту отдыхала; но вскоре опомнилась и стала действовать (однако тоже с трудом, так как не до конца представляла задумку принца). С горем пополам (пробурчав о несправедливости в двух вариациях: «Попытаемся, как же!» и «Только я и пытаюсь!») она соединила два мешка, благо уже истончившихся, в бесполезную, на первый взгляд, ерунду с узлом посередине; замерев, проводила взглядом василисков, почти точно повторивших маршрут Дол-жи, и вернулась к воплощению чужой хворой фантазии в жизнь.

Принц и серебристо-синяя туча кружили на некотором отдалении: принц громко пыхтел указаниями, туча пыталась поглотить принца – работа Сарины протекала в безмятежности.

– Я что-то не поняла, на какой высоте ствола нужно привязывать мешки!.. – с задумчивостью обронила намеренно нетихую фразу горе-конструкторша.

Такие слова в переводе на язык усталости Дол-жи примерно означали: «Принц, побегайте еще часок-другой; может быть, я справлюсь, прежде чем вас растерзают», поэтому высокопочтенному бедолаге пришлось подбежать к девушке.

– Здесь где-то! – Он хлопнул ладонью в центральной трети дерева. – Как можно выше, но таким образом, чтобы другой конец мог спокойно вращаться в землю; и постарайся закрепить не простым узлом, а «восьмеркой» – он тоже элементарный: дважды вот так продеваешь – и готово. – Дол-жи изобразил нечто, по его мнению понятное. – Это для того, чтобы потом возможно было развязать...

Своим критическим приближением василиски прервали минутку разглагольствований принца, заставив того вновь от них удижать.

Сарина не была мастером в привязывании спальных мешков к деревьям, тем более посредством крепления через узлы-восьмерки – ей бы простым суметь! Но, вооруженная теперь великими знаниями о двукратном продевании, старалась выполнить поручение как можно качественнее.

– Это ведь не веревка! Вережку б – раз плюнуть! – ворчала девушка, трудясь. – А тут попробуй сделай...

Наконец Сарина кое-как намотала один конец сцепленных мешков на ствол (вроде бы даже закрепив его той самой восьмеркой), рассыпала дорожкой по направлению к дереву основу и положила на ее начало свободный край второго в связке мешка. Тот дернулся, мгновенно, как сыпь, покрылся пучками травы, врос в землю и стал, толстая и зеленая все больше, притягивать к почве остальную, всю напрягающую часть двуединого тела спальников. И мешки, вращаясь, ближе и ближе ложились к комлю дерева, тем самым наклоняя его.

– Получается! – удивленно-восторженно крикнула Сарина.

– Разрушитель сразу отделит спальники от земли?! – тут же сквозь звуки шуршащих хлопаний крыльев прорвался к ней голос существа, тоже теперь окрыленного, но иначе, нежели василиски.

– Да! – был ответ тому голосу.

– Сыпь, как только подлетят! – скомандовал принц, пробегая возле уже слегка согнутого дерева.

Говорил он так, как будто был уверен, что мешки не порвутся, силы их натяжения хватит для достаточного сгибания дерева, а крона обязательно попадет по василискам... и, как ни странно, оказался прав.

Неугомонные злыдни не подвели: проследовав за обидчиком, оказались в зоне поражения; не сплеховала и Сарина, вовремя и щедро осыпавшая порошок вгрызшиеся в почву мешки, которые тоже в свою очередь выполнили задачу: вмиг оторвались и запустили липколистник в разгиб; даже дерево «не ударило кроной в грязь», а ударило куда нужно: по василискам – точно в центр роя. Волшебная пыль, подобно своей тезке из выбиваемых ковров, большим клубом резко отделилась от общей массы мстителей, после чего мирно растаяла в воздухе; и когда лязгающая гневом туча, пролетев вслед за принцем, унесла с собой серебристо-синий щекочущий землю водопад, на пару мгновений погребший в песчинках Сарину, той открылся результат ее пуска: в верхушке качающегося дерева, на двадцати-тридцати листьях, зверьки, влипшие в буквальном смысле слова, трепыхались с разной степенью усердия и отчаяния.

– Ура! – порадовался Дол-жи три секунды и вновь побежал, так как визуально (а вполне вероятно, и в силе) злое облако ничуть не уменьшилось.

– Удалось! – подтвердила Сарина отличный результат, подходя к липколистнику и беря в руки полысевшие, отощавшие от разрушителя мешки, дохлой змеей свисающие со ствола и из последних сил целующие почву.

Пуск этого дерева был произведен еще трижды: били по летунам разными сторонами кроны, чтобы использовать максимально возможное количество липких листьев. Сарина, пользуясь проверенным методом насыпанной основы и брошенного на нее спального, наклоняла дерево на запад, принц пробегал с его восточной стороны, озлобленные василиски, не чуя подвоха, пролетали за ним, бац! Сарина наклоняла дерево на юг, принц пробегал с северной стороны, василиски – за ним, бац!..

Когда крона дерева была облеплена уже изрядно, девушка, с усилием отвязав мешки, соорудила при помощи них ловушку из дерева-соседа. И сценка с поимкой не очень сообразительных летунов стала повторяться вновь.

Да, почин вышел замечательным или, лучше сказать, удачным, потому что с остальными деревьями везло не всегда: находя очередной липколистник, Дол-жи начинал недалеко от него играть с василисками в догонялки, а Сарина – создавать с его участием ловушку, но дерево, бывало, оказывалось слишком широкоствольным и отказывалось гнуться, даже не позволяя спальникам как следует врасти; другое – слишком высоким: серые создания без проблем пролетали под листвой, когда дерево, разгибаясь, набрасывалось на них (от ствола, конечно, некоторым доставалось, но не так чтобы сильно); третье же – с проблемной кроной: жидкой и больной. В общем, липколистники отыскивались с трудом, а подходящие липколистники – с большим трудом. Хорошо, по крайней мере, было то, что после второго дерева узлы в руках девушки вязались сами собой: на подготовку ловушки уходило чуть больше половины минуты.

Несмотря на трудности, Сарина попадала в василисков часто, и туча оттого мало-помалу редела. Бывшей друидке даже начало нравиться это занятие, похожее, как ей подумалось, на некую игру; она и название ей придумала (не очень оригинальное, правда): «василисколовка»; такое же имя от нее получила и сама конструкция из дерева и спальных мешков... Но после шестого превращенного в действенную ловушку липколистника ее отношение к происходящему изменилось.

Принц просеменил возле очередного согнутого дерева, вслед за ним пролетели василиски – и ничего не произошло.

– Почему не отпустила?! – поинтересовался Дол-жи криком человека, пробежавшего очень много и притом не по своей воле. – Разрушитель кончился?!

– Нет!.. Я просто подумала: а что будет потом с василисками? Они ведь, не имея возможности улететь... умрут.

– Издеваешься?! – взвыл от усталости и злости принц. – Ловила их, ловила и вдруг подумала?! Приказываю: когда они будут пролетать мимо, отпускай дерево!

– Но все же...

– Чтоб посыпала мешки разрушителем!

Дол-жи сделал поворот, увлекая разъяренных коротышек обратно к липколистному дереву.

– Давай! – выкрикнул он, пробежав рядом с девушкой.

Сарина, скорчив гримасу отчаяния, дернула над спальниками пакетиком с порошком, и дерево, более не удерживаемое мешками, что сразу оторвались от земли, резко распрямилось и закачало шевелюрой, ловя на нее василисков.

– Хорошо! Теперь следующую сторону готовь!

– Не могу! Не буду больше! – взбунтовалась добросердечная особа. – Ну это ведь живые создания! Вы бы и котят приклеили к дереву? Под жарким светилом, без питья, без еды бы оставили?

– Да чтоб тебя!.. – Принц подбежал к ней весь мокрый, запыхавшийся до хрипоты, но почему-то не озлобленный (однако когда он, переводя дыхание, уронил Сарине на плечо руку, девушка, испугавшись, вздрогнула), – подбежал и заговорил, делая паузы для глотания воздуха. – Не могу представить ситуацию... чтобы за мной по лесу гонялись сотни разгневанных котиков... Это во-первых. Во-вторых... ну хочешь... хочешь, как только мы окажемся в столице леших, я кого-нибудь сюда пришлю, чтобы они... они освободили этих уродцев? – обратился он к бывшей друидке с неожиданным предложением и сразу сорвался с места, запустив отчаянным рыком в преследователей, не дающих расслабиться хотя бы на треть минутки.

Сарина приоткрыла рот и кивнула, а потом, закивав интенсивно, крикнула алианцу вслед:

– Хочу!.. Обещаете?

– Да! Клянусь тебе! Скорее нагибай дерево!

Доселе словно не замечавшая произошедших в поведении принца изменений, его определенной к ней расположенности, его услужливости – всего того, чем он обзавелся неожиданно еще в «Гадюке», Сарина была весьма поражена его речами.

Недолго погостив разумом в мыслях о поступках господина, девушка вернулась к сооружению западни.

В дальнейшем еще четыре дерева удостоились чести попробовать себя в качестве василисковок: три послужили удачно, за что были награждены Сарининой гордостью и Доловой радостью, из них одно – посмертно, поскольку оказалось хрупким и не пережило второго сгибания.

И вот настал момент, когда василисков осталось всего ничего. Дол-жи с богатырским уханьем поднял с земли обломившееся дерево и тыкнул им в остатки тучи, когда та, упрямая, хотела наброситься на него. Желанием расплаты собрав в кулак последние силы, принц, осклабившись, пошел на неприлипших летунов врукопашную. Нокаутировал двоих, сжал третьего, схватил затем палку и показал еще четверым, как можно летать очень быстро и не используя при этом крылья; один успел укусить его за ляжку, но тут же был прихлопнут; оставшиеся же, поняв, что их бравая восьмерка не совладает с разъяренным белобрысым великаном, разлетелись кто куда. Добивать никого из поверженных Дол-жи не стал.

Моргая от заливающегося в глаза пота, принц еще с минуту выискивал взглядом врагов, не веря, видимо, что все кончено. Заметив цветочную полянку, он наконец сдвинулся с места и пошел к ней. Дыша жадно, словно в последний раз, Дол-жи выжатым лимоном плюхнулся в тюльпаны, а Сарина встала рядом с его «чересчур дыханным» телом; слева, кое-где впереди, справа и где-то позади – во всех четырех направлениях от них имелись невысокие тонкоствольные деревья с колышущимися листьями, которые, как могло показаться издали, сами по себе раскидывали в разные стороны серебристо-синюю пыль...

– Новая стая не соберется? – без готовности сражаться с упомянутым предполагаемым врагом прохрипел вопрос алианец.

– Не думаю. По крайней мере, не сейчас, – вяло качнув головой несколько раз, ответила девушка. – Но встречах василисков все равно придется обходить стороной.

– Ил-л-ли прибав-в-вать! – злобенько проквашал принц.

Сарина села на полянке неподалеку от Дол-жи, оставив без комментариев последнюю услышанную фразу, получившуюся слегка лягушачьей и безжалостной по причинам изнеможенности принца и его объяснимой антипатии к серым летунам.

– Отдохнем. Немножко отдохнем, – успокоившись, произнес вельможа из ЗКЛ и со свистящим вздохом потянулся.

– До города, должно быть, уже недалеко, – через некоторое время задумчиво предположила бывшая друидка.

– Хорошо... Да. Это хорошо, – прошлись по воздуху вслед за предыдущей фразой тихие слова принца.

Сарина, хотя и была куда менее уставшая, нежели ее собеседник, тоже прилегла. Они долго молчали, а потом принц неожиданно захохотал:

– Я ведь даже изображения их видел – на игральных костях, в «Гадюке»!.. Ха-ха-ха!.. В свою защиту могу сказать, что качества эти картинки были отвратительного! Они нисколько не смутили мои ошибочные представления о внешнем виде созданий! То, что было нарисовано на грани с василиском, клянусь своим местом в очереди на трон, можно было принять и за слона, и за змею клубком, и за мышь!

Девушка смотрела в небо, слушала Дол-жи... и в какой-то момент стала улыбаться его оправданиям.

– И кстати, Сарина, во избежание новых инцидентов расскажи-ка мне про других обитателей Тюльпаниума...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.